

Я инстинктивно прижимаю руку к груди Янь Куншаня, что, кажется, заставляет его думать, что я пытаюсь оттолкнуть его. Его большая рука хватается меня за кончики пальцев, и по мере того, как наш поцелуй становится глубже, его хватка крепнет.

Учитывая, что сегодня утром я сказал ему, что нахожу его поцелуи приятными, и что он может целовать меня, как хочет, с любой силой, если я оттолкну его после всего этого, я покажусь ему неуклюжим и неверным своему слову человеком.

Не говоря уже о том, что, хотя потеря кислорода к концу поцелуя – не самое приятное ощущение, мне все равно нравится, когда он меня целует. Ощущение адреналина, проходящего через мое тело, разогревающего его, заставляющего его онеметь, заставляющего меня чувствовать себя так, будто я парю в облаках; это прекрасное чувство.

Сначала я думаю, что сегодня все будет как вчера, что поцелуй закончится, когда я уже не смогу дышать и стану просто лужицей мозговой кашицы. Но Янь Куншань меняет ситуацию вопреки моим ожиданиям. Он отпускает мои губы и осыпает поцелуями мою шею.

Поцелуи проникают от мочки уха до ключиц, шипя электричеством. Каждый его поцелуй заставляет меня вздрагивать. Он продолжает спускаться ниже, но потом ему быстро мешает вырез моей футболки. Неудовлетворенный, он щиплет меня за плечо. От неожиданности я вздрагиваю и испуганно вскрикиваю. Я никогда не знал, что можно испытывать такие головокружительные, захватывающие дух ощущения, даже не прикрывая рот.

Не успел я это осознать, как оказался лежащим на плюшевом ковре. В такие моменты Янь Куншань становится еще более величественным; как только он прижимается ко мне, он нависает надо мной, как гора, закрывающая солнце и небо, и прижимает все мое тело к себе.

И я становлюсь чем-то похожим на антилопу в предсмертных муках. Хищник держит меня, но не убивает. Вместо этого он откусывает кусочек здесь, кусочек там, как бы получая удовольствие от неконтролируемой дрожи моего тела, от моей последней борьбы перед неизбежной смертью.

Это гораздо страшнее, чем вчера...

Пока я размышляю об этом, Янь Куншань покусывает мое адамово яблоко, как будто решил сожрать меня. Однако я замечаю, что его индекс настроения действительно никуда не делся. Если завтра он снова появится примерно в то же время, то, думаю, можно сделать вывод, что поцелуи временно избавляют от него. Что заставляет меня задуматься, если поцелуи избавляют от этого на 24 часа, может ли более интимное действие заставить его исчезнуть на более длительный срок? Есть ли способ сделать так, чтобы она исчезла навсегда?

Я вдруг чувствую, как сухой палец поглаживает мою нижнюю губу. Янь Куншань снова выпрямился и смотрит на меня, не очень-то забавляясь.

- На что ты смотришь?

Ощущение такое, как будто меня отчитывает представитель класса в школе после того, как меня поймали за использованием телефона. По мне пробегает дрожь, и я осторожно отвечаю:

- Ничего особенного...

Влажность моего рта соприкасается с его пальцем, когда я говорю. Он гримасничает, похоже, ему не нравится это ощущение. Его глаза темнеют, и он убирает руку, упирая ее в пол.

- Теперь ты боишься?

Я молча качаю головой.

Он снова поднимает руку и проводит тыльной стороной ладони от моей шеи вниз, к плечу. Когда его ногти скребут по этому месту, раздается щелчок боли. Я не помню, укусил он меня там или нет. Если да, то это, вероятно, оставило впечатление.

- Ты дрожишь, - Янь Куншань наблюдает, как детектив, не упуская ни малейшей детали, как будто его единственный мотив - разоблачить меня в лживости.

- Если ты не боишься, почему ты дрожишь?

- Это не страх.

Я держу его руку неподвижно, большой палец слегка проводит по тыльной стороне ладони.

- Это щекотно.

А может, там есть немного страха. Я действительно боюсь, что он поглотит меня. Один только его взгляд заставляет меня думать, что он хочет вырвать мои кости одну за другой. Если бы он не был Янь Куншанем, я бы испугался настолько, что хотел бы убежать, но он - Янь Куншань, поэтому я не убегаю.

Он долго смотрит на меня, а потом вдруг выпрямляется и полностью отделяется от моего тела.

- Уже поздно, тебе пора спать.

Все кончено?

Я вздыхаю на полпути между разочарованием и облегчением, затем поднимаюсь с пола только для того, чтобы обнаружить, что определенная часть моего тела жаждет большего, почти порвав штаны.

Все это время ему удавалось оставаться скрытым только из-за большой футболки, которую я ношу.

Внезапно румянец распространяется по всей верхней половине моего тела. Понял ли он это?

Я украдкой смотрю на него. Очевидно, у него дела обстоят не лучше, чем у меня.

Когда дело касается мужчин, иногда радар Сунь Жуй не так уж точен. Но когда дело доходит до их нижних областей, она точно попадает в точку.

Это, конечно, довольно большой размер...

- Куда смотришь?

Я смотрю на Янь Куншаня. Он, похоже, не собирается даже отдаленно скрывать свою биологическую реакцию и спокойно сидит, скрестив ноги, как будто ждет, что все пройдет само собой, что заставляет меня чувствовать себя неполноценным.

Я чешу нос.

- Эм, я хотел сказать тебе о ветряном колокольчике, я сломал его. Прости, я куплю тебе замену.

- Не нужно.

Пораженный, я уставился на него.

- А?

Он поднимает с земли пульт от телевизора и уверенно нажимает на кнопки, как будто вокруг никого нет. На экране телевизора играет эстрадная программа.

- Я сказал, в этом нет необходимости.

Все его внимание приковано к телевизору; бесстрастная манера, с которой он отвечает, создает впечатление, что ему совершенно безразлично, что случилось с ветряным колокольчиком.

Я внимательно наблюдаю за ним, убеждаясь, что ему действительно все равно, и не уйду, пока не буду абсолютно уверен.

По дороге домой я напеваю мелодию, а придя домой, застаю дедушку, поднимающегося по лестнице с кружкой чая в руках, который готовится ко сну после окончания телесериала. Он окликает меня, когда видит, и вдруг его взгляд падает на засос на моей шее, и он произносит тихое «а».

- Мянй Мянй, что случилось с твоей шеей? Тебя что-то укусило? Почему она такая красная?

Я тут же хлопаю рукой по шее, так нервничая, что все мои волосы встают дыбом от тревоги.

- Я не знаю, может, это был злой комар.

- Это один ядовитый комар, - отвечает дедушка, ни капли не сомневаясь в моих словах.

- На журнальном столике есть тигровый бальзам, обязательно намажься.

- Я понял, - отвечаю я, быстро кивая в такт, все еще прикрывая шею рукой.

- Дедушка, тебе пора спать.

Он бормочет что-то о том, что завтра распылит во дворе средство от комаров, и поднимается по лестнице. Я не опускаю руку, пока не увижу, что он ушел, после чего направляюсь прямо в ванную, чтобы осмотреть ее самостоятельно.

Темно-красный засос синяк на коже в месте соприкосновения моей шеи и плеча, нечеткие следы зубов чуть видны. Кажется, что он не пройдет и за пару дней.

Хорошо, что дедушка уже пожилой, у него не такое хорошее зрение и он довольно простодушен. Иначе эта заманчивая романтическая драма быстро превратилась бы в семейную.

На следующее утро, встав с постели, я снова осматриваю засос. Следы от зубов больше не видны, но он все еще красный. Я нашел бинт и прикрыл его. Пока я не оттягиваю воротник рубашки, это не должно быть слишком заметно.

В машине Янь Куншань не замечает - или делает вид, что не замечает, - повязку на моей шее. Кажется, в нем есть две стороны: ночью он пылает страстью, а днем холоден и вежлив. Даже непринужденные разговоры, которые он обычно заводил, становятся менее оживленными.

Боже, я целую его, а потом не могу увидеть показатель его настроения, но если я не целую его, то хочу поцеловать. Почему жизнь так трудна?

Во время церемонии прекращения дождя присутствовали иностранные документалисты, которые снимали все это, и когда они уходили, один из фотографов довольно подробно разговаривал с Янь Куншаньом; он сказал, что в будущем пошлет Янь Куншанью небольшой подарок по почте.

Это были только разговоры, но однажды посылка действительно пришла. Из нее Янь Коншань достал фотографию в деревянной рамке, выражение его лица было ошеломленным. Рамка сделана из орехового дерева, украшена простыми золотыми линиями, придающими ей текстуру. Я с любопытством наклоняюсь, желая посмотреть, что это за фотография, и замираю, когда смотрю вниз.

Это фотография меня и Янь Куншаня в день церемонии прекращения дождя; мы вдвоем сидим на стуле-седле, я с круглым веером, скрывающим мое лицо, он с маской на лице, держа зонт вертикально. Камера сфокусирована на нас двоих, толпы людей, окружающие нас, полностью размыты. Мы сидим в самом центре кадра – это идеальный кадр, который, возможно, мог снять только кинорежиссер.

- Очень похоже на свадебную фотографию.

От неожиданности я подумал, не сказал ли я случайно вслух то, о чем думал. Но потом я прихожу в себя и понимаю, что комментарий исходил от Сяо Тяня.

- Это босс?

Он сразу же узнает Янь Куншаня, а затем указывает на меня на фотографии.

- Кто это? Девушка из какой семьи такая красивая? Босс, она тронула ваше сердце?

Сяо Тянь, который сам никогда не был на церемонии, не знает, что «девушка» – это не обязательно девушка.

- Это я, – говорю я, показывая на себя.

Сяо Тянь настолько потрясен, что, кажется, будто он сомневается в своей вере в людей.

- Учитель Сяо, позвольте мне рассказать вам об этой истории.

Я рассказываю ему о церемонии прекращения дождя, а также не могу удержаться от того, чтобы не посплетничать немного о том, что случилось с последней небесной девой.

В конце концов, Янь Куншань вешает фотографию на стену в книжном магазине - не особенно привлекающую внимание, но примыкающую к полке «Фольклор». Патроны, интересующиеся фольклором, могут найти его привлекательным; они могут рассматривать фотографию сколько угодно.

Обычно, когда в магазине мало посетителей, мы обедаем вместе, но если много народу, то обедаем посменно. Сегодня день выдался немного более загруженным, поэтому пока Сяо Тянь управляется на этаже, мы с Янь Куншаньом отправляемся в комнату отдыха, чтобы перекусить.

Когда мы уже почти закончили трапезу, мой телефон неожиданно зазвонил. На экране нет определителя номера.

- Алло?

- Юй Мянью, это я.

Это Ло Фэйлан, случайно позвонивший мне в это время после долгого молчания. Я бросаю взгляд на Янь Куншаня, затем поворачиваюсь к нему спиной. «В чем дело?» шепчу я в трубку.

- В воскресенье на пляже будет музыкальный фестиваль, хочешь пойти? - спрашивает он своим веселым голосом.

Я даже не задумываюсь, прежде чем ответить:

- Я не увлекаюсь музыкой, так что, наверное, нет.

- Ты не оставляешь мне ни малейшей надежды, да? - он резко понижает голос, продолжая:

- На самом деле ты мне очень нравишься.

- Нет, спасибо. В следующее воскресенье приезжает мой папа, так что я не буду свободен.

Кажется, он думает, что я придумываю отговорки.

- Твой отец? Тогда неважно, в другой раз.

Не успеваю я повесить трубку, как он вдруг добавляет жеманным тоном:

- Кстати, у тебя есть номер Янь Куншаня...

Я прерываю его, нажимая кнопку «завершить вызов», а затем заново ввожу его номер в свой список блокировки.

- Это был Ло Фэйлан? - спросил Янь Куншань сзади меня, от его голоса у меня по коже побежали мурашки.

- Ты все еще разговариваешь с ним?

Я понятия не имею, почему я чувствую себя виноватым, но это так. Я чувствую себя как муж, которого жена застала за разговором с любовницей или что-то в этом роде. Это пугающее, возбуждающее чувство - слишком возбуждающее.

- Нет, это была Сунь Жуй.

Янь Куншань встал, убирая остатки еды.

- По мне, так это был мужчина, - равнодушно комментирует он.

- Она..., - мучительно подбираю я нужные слова. - Она простудилась.

Он поднимает бровь, наблюдая за мной с весельем.

- Простуда? В такую погоду?

- Слишком много воздуха, наверное.

Я одариваю его яркой улыбкой.

Его взгляд перемещается вниз и останавливается на моей ключице.

- Тебе больно?

Я прикасаюсь к шее, ощущая поверхность торчащего бинта. Слегка смутившись, я отвечаю:

- Нет, но...

- Тогда почему повязка?

Он поднимает руку и целенаправленно направляет ее ко мне, проходя мимо моего лица, пока

не достигает своей цели: срывает повязку. «А, понятно». Только сейчас до него доходит, что под повязкой находится след, который он оставил на мне прошлой ночью.

- Прости, вчера вечером я немного перестарался. Ты пытаешься это скрыть? Я могу посмотреть, есть ли у меня еще бинты в магазине.

Почему-то мне кажется, что если я кивну, то произойдет что-то зловещее... Не то чтобы я мог видеть показатель настроения Янь Куншаня, но у меня все же есть свои инстинкты и чувства. Или можно сказать, «шестое чувство».

- Все в порядке, - говорю я с сухой улыбкой. - Я просто оставлю все как есть.

<http://bllate.org/book/12676/1122980>